

А. Абелев

Первый ректор «Бауманки» (ВММУ / МММИ им. Баумана): самый сомнительный отзыв

(в книге «Академик Г.А. Николаев. Среди людей живущий. – Собрал, обработал и записал С.А. Жуков». МГТУ, 2010, 2021)

Самым неприятным для автора настоящей заметки отзывом об А.А. Цибарте был бы обоснованный нелестный отзыв какого-нибудь признанного ученого МММИ. И такой *как будто* существует – это неформальная характеристика от академика Г.А. Николаева, работавшего с 1933 г. в МММИ на факультете (с одной кафедрой) сварки, в 1964–1985 гг. ректора МВТУ, академика с 1979 года. «Как будто» – потому, что устные рассказы академика о далеком уже для него времени обработаны и записаны его собеседником спустя еще годы после смерти академика, по дневниковым записям, хотя и подаются от первого лица. *Воспоминания в пересказе* – мягко говоря, весьма ненадежный источник. Можно надеяться, что сам академик и не пожелал бы поставить свою подпись под этим текстом в том виде, в каком он в результате появился в печати. Во всяком случае, академик «своих собственных речей» не читал и своих правок в них не вносил.

Интересны были бы дневниковые записи С.А. Жукова строго в том виде, какими они были, с его комментариями. Но не надо писать чужие мемуары!

Отзыв «условного Николаева» получился сравнительно небольшой – не больше странички, – но, ничего не скажешь, весьма запоминающийся, яркий и емкий, при этом, хотя и отражающий тогдашние реалии (все ректоры – назначенцы), но в отношении персонально Цибарта явно несправедливый и, увы, грубо искажающий самые важные факты.

Затрагиваемое время интересно само по себе, отсюда и наш слишком объемный ответ.

Национальность. Несущественно, но...

Первый «компрометирующий» Цибарта пункт – пикантное «разоблачение»:

«... Начну повествование с образа директора Адольфа Августовича Цибарта, еврея по происхождению, с немецким именем и отчеством. ...»

Откуда эта выдумка – «еврея по происхождению» (каким-то хитрым образом заимевшего немецкие имя, отчество, да и фамилию)? И, главное, зачем вообще эта выдумка родилась? Это, по мнению ученого, характеризовало бы Цибарта дурно?

Так или иначе, но это неправда. Присваивать немецкие ФИО Цибарту не пришлось. Цибарт – немец (по обоим родителям), «крестьянского сословия», «евангелически-лютеранского исповедания» (что и указано в списках студентов ИМТУ с 1910 по 1915 гг.). Да пожалуй, сын небогатого и «изрядно к тому же выпивавшего» лодзинского рабочего Цибарт, если бы был евреем, мог бы и не решиться отправиться в Москву поступать в ИМТУ, где существовала, хоть и не самая жесткая среди вузов, процентная норма на поступление евреев. (Несмотря на то, что для ректора ИМТУ А.П. Гавриленко, при котором первые 4 курса учился Цибарт, не существовало «ни иудея, ни еллина» – см. сборник «Памяти А.П. Гавриленко», 1914 – норма была.) А в первые два десятилетия после Октябрьского переворота скрывать еврейскую

национальность, по крайней мере для большевика, никакой нужды не имелось. Умалчивать Цибарту пришлось лишь о «социальном происхождении» матери, домохозяйки, и месте работы отца на момент его рождения (см. далее). По меньшей мере членам парткома было известно, что Цибарт говорит по-немецки. В личных бумагах Цибарта, сохранившихся в ЦА ФСБ, попадаются заметки на немецком языке (не на идише). Не разоблачил «истинной» национальности Цибарта даже НКВД – правда, там глубоко и не копали – в справке из его «уголовного дела» от 4 декабря 1937 г. (до ареста) он значится как «латыш, урожд. Лифляндской губернии» (АУД ГУГБ НКВД № Р-24817, т.1, л. 81)...

Но вот, для самых пытливых исследователей этого вопроса, и **выписка из метрической книги**, где отмечено его рождение. (Скан этой метрики можно видеть на сайте alkrulov/narod.ru.) Дальше копать уже некуда: если только бабушки-дедушки? Чутью «условного Николаева» можно только восхититься...

Собственно, метрикой можно было бы и ограничиться – просто было любопытно, *что* все-таки могло натолкнуть «условного Николаева» на его прозрение? –

«Дубликатъ Актовъ Гражданскаго Состоянія Евангелическо-Аугсбургскаго Филіала в Поддембицахъ на 1892 годъ»

Актъ № 44, «рождения»:

«Состоялось въ Поддембицахъ шестнадцатого / двадцать восьмаго Августа тысяча восемьсотъ девяносто втораго года в два часа по полудни. Явился Августъ Цибартъ /: August Ziebart /: шинкаръ из Фулки двадцати четырехъ летъ, въ присутствіи Михала Фриске владельца из Одохова пятидесяти пяти летъ и Карла Геншъ ткача из Поддембице сорока трехъ летъ, и предъявилъ Намъ младенца мужскаго пола урожденнаго въ Фулкахъ девятого / двадцать перваго Августа текущаго года в пять часовъ по полудни отъ жены его Леокадіи урожденной Фриске /: Leokadya z Friske /: двадцати однаго года от роду. Младенцу этому при Святомъ Крещении дано имя Адольфъ /: Adolf /: а восприемниками его были первый свидетель и Флорентина Баеръ вдова. Актъ сей прочитанъ и подписанъ. –

August Ziebart

М. Фриске

К. Не...[нем., нрзб]»

44. Состоялось въ Поддембицахъ шестнадцатого / двадцать восьмаго Августа тысяча восемьсотъ девяносто втораго года в два часа по полудни. Явился Августъ Цибартъ /: August Ziebart /: шинкаръ из Фулки двадцати четырехъ летъ, въ присутствіи Михала Фриске владельца из Одохова пятидесяти пяти летъ и Карла Геншъ ткача из Поддембице сорока трехъ летъ, и предъявилъ Намъ младенца мужскаго пола урожденнаго въ Фулкахъ девятого / двадцать перваго Августа текущаго года в пять часовъ по полудни отъ жены его Леокадіи урожденной Фриске /: Leokadya z Friske /: двадцати однаго года от роду. Младенцу этому при святомъ Крещеніи дано имя Адольфъ /: Adolf /: а восприемниками его были первый свидетель и Флорентина Баеръ вдова. Актъ сей прочитанъ и подписанъ. –

August Ziebart
М. Фриске
К. Не...

Флорентина Баеръ
Фриске

В «служебной карте работника ВСНХ» от 1925 г. Цибарт и указывает: место рождения – «Калишская губерния, Ленчицкий уезд, Поддембицкая волость», деревня Фулки»; национальность – «немец»; родной язык – «немецкий, польский» (РГАЭ ф. 3429, оп. 20, д. 600, л. 25). Любопытно, что в Лодзинском мануфактурно-промышленном училище, где учился Цибарт до поступления в ИМТУ, преподавание до 1905 года велось на русском и немецком языках.

Итак, А.А. Цибарт родился 9/21 августа 1892 года в маленькой деревне в 30 км от Лодзи (каждый третий житель Лодзи в то время, согласно Брокгаузу и Евфрону – немец, лютеранин); его мать – Леокадия Цибарт, урожд. Фриске; отец – Август Цибарт, оба немцы и лютеране.

Степень достоверности и обоснованности остается, по нашим впечатлениям, той же самой (близкой к нулевой) и во всех остальных пунктах разбираемого отзыва.

Когда и зачем Цибарт стал ассистентом физики и математики? Был ли он инженером?

«... С конца далеких двадцатых годов [?] до 1938 года Цибарт, не ученый и даже, кажется, не инженер [? – впрочем, спасибо за "кажется"], чтобы поднять педагогический авторитет, работает ассистентом на кафедре высшей математики под руководством профессора О.А. [правильно: Л.А., Льва Абрамовича] Тумаркина».

Такие сведения относительно начала ассистентства Цибарта приводит, точнее сказать выдумывает, «условный» академик Николаев (или его собеседник Жуков); причем для него, кто бы он ни был, оказывается не скрыт и тайный мотив «еврея по происхождению»...

Однако ассистентом на кафедре математики (и физики) Цибарт стал не в «далеких двадцатых», а лишь в конце сентября 1936-го года, чему предшествовала, и продолжалась после того, напряженная работа над своим профессиональным ростом; получение должности ассистента отмечено его констатацией – «вот это реальное достижение» (а не административные успехи). Особенный «педагогический авторитет» эта должность вряд ли могла ему обещать: директор втуза всего лишь ассистент, но не профессор и не доцент. А работа над своим профессиональным ростом велась им исключительно по призванию, задолго до получения места ассистента. –

Вот доказательства:

Цибарт, дневник, запись от 27 августа 1930 года: *«Коктебель. / 1. Максим. использов. имеющ. возможности для работы над собою путем повтор. и дальнейшего изучения. / 2. Цель моего существ. – научная работа – понимать природу. / ... / 4. Ежем. подводить итоги настоящ. выполн. обяз. ...»*

«27 апреля 1931 г. Кр. Москва. ... К знанию, науке, природе. / К свободной и исследов. работе, не связанной с зарабатывать. куска хлеба. / ... / Научная работа, независимая от заработка, не связана [?] Для познания природы, на благо народу и человек. ... / 2. Использов. все время на рост и усовершенствов. / а) Иметь план роста и 1 раз в неделю его проверять. ...»

Запись от 1933 г., без точной даты: *«1. Не позже выходного дня иметь план роста [научного] на неделю ... / 2. 1 раз в неделю пров. план роста ... / 3. Ежеднев. утром выделять время на рост ... / 4. 1 раз в неделю план, что сам прочту ... / 5. После окончания раздела роста само-экзамен ...»*

«... 18 декабря [1935 г.]. / Что сделано <по> росту? / Прошло 13, 14, 15, 16, 17, 18 = 6 дней д<олжен> был заниматься $6 \times 2 = 12$ часов. / Что сделано: / по аналит. геом. прошел до стр. 32 / что соответ. $40 \div 10 \text{ м} \div 120 = 2 \text{ ч. } 50 \text{ м.}$ / осталось на 1 ч. 40 м. / по инт. исчисл. – ничего не сделано / осталось 10 час. / физика пройдено на 3 ч. $\div 4 \text{ ч. } 30 \text{ м.} = 7 \text{ ч. } 30 \text{ м.}$ / Машиностроение ничего не читал / Осталось 6 час. / Итого сделано за неделю – 2 ч. 50 м. / 7.30 физ. / 10 ч. 10 м. вместо 12. / Осталось матем. 10 ч. / машин. 6 ч. / 16 час / ... / ... 24

декабря. / Подвожу итоги роста - остается 25, 26, 27 по 2 ч. = 6 ч. / а работы осталось мне на 8 час. Значит отставание на 2 часа. ...»

И – заслуженный триумф. –

Запись от 27 сентября 1936 г.: «Я включен в расписание по математике и физике. ... Как ассистент физики я впервые получил сегодня свое первое жалованье. Работаю с Язвинским в лаборатории физики, занимаюсь с Солоноуцем по математике. [В дневнике упоминаются также в качестве наставников Манасевич /сопромат/, Фролов /химия/ и др.] Вот это реальное достижение».

Множество записей о «росте» и после этой последней даты...

Об этом (заслуженном!) ассистентстве говорится и в статье Цибарта «Заметки директора» в журнале ГУУЗ НКТП «За промышленные кадры» от 1936 г., № 11–12 (август). Статья посвящена «перестройке работы втуза» в связи с постановлением Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. о высшей школе, в котором впервые в истории СССР выдвигается требование: «директорами высших учебных заведений могут быть лишь лица, имеющие законченное высшее образование и опыт научно-педагогической и производственной работы в данной отрасли». Говорит в ней Цибарт и о ставшем вдруг важным «научно-педагогическом авторитете» директора – видимо, отсюда и родилось разбираемое «чтобы поднять свой педагогический авторитет»...

«... Директор института должен быть авторитетным и в политическом отношении и в области научно-педагогической работы, чтобы по существу руководить и направлять работу профессорско-преподавательской коллегии. Усложнившиеся задачи руководства обязывают директора приобрести научно-педагогическую квалификацию. Вопрос о научном лице встал во весь рост и передо мной как перед директором крупнейшего втуза.

Я учился в институте (которым сейчас руковожу) с 1910 г. и окончил его в 1919 г. Знаю лично еще по студенческой скамье многих из наших профессоров. Пришел обратно в институт уже в качестве директора в 1929 г. [точнее, если говорить именно о директорстве, 20 марта 1930 г. – до этой даты ВММУ/МММИ еще не существовало, а Цибарт – предназначенный в будущем директор "красный декан" мехфака МВТУ] с хозяйственной работы. / За 7 лет КММИ [Краснознаменный механико-машиностроительный институт] 2 раза на соцсоревнованиях вузов был премирован, как лучший втуз Советского союза. Советское правительство, отмечая большую работу в деле подготовки инженерных кадров и постановки высшего технического образования, наградило институт и меня орденами Союза ССР.

Однако, несмотря на то, что, назначенный директором института, я поставил себе задачу стать научным работником, я до сих пор не сумел этого сделать. / Только в начале этого года [на самом деле, как минимум с 1930 года!], серьезно продумав вопросы своего собственного роста, я пришел к выводу, что, если дальше так будет продолжаться, т.е. если я сам технически и научно не смогу в институте расти и не приобрету научной квалификации, то как инженер совершенно деквалифицируюсь / В начале этого года я составил себе индивидуальный план, повторил с квалифицированными профессорами необходимые дисциплины, и с сентября этого года включаюсь в педагогический процесс в качестве преподавателя и лаборанта-руководителя студенческих работ лаборатории физики.

Тему своей диссертации я наметил из области металловедения и физической химии. План у меня рассчитан на 3 года. По педагогической своей нагрузке, которую я буду вести во все время своей работы над собой, я предполагаю постепенно продвигаться, начиная от физики, и физической химии, металлографической лаборатории и заводской лаборатории по контролю и исследованию процесса производства. Моим руководителем является проф. Крэннг [В.О. Крениг].

С начала этого года я, как правило, утренние часы (от 8 до 12) трачу на работу над собой, занимаясь или в лаборатории или с преподавателями, а главным образом, самостоятельно ...»

Все хорошо и понятно. Задача стать научным работником поставлена перед собой Цибартом с самого начала его директорства, еще в 1930-м году, и с тех пор выполнялась систематически и упорно; постановление 23 июля 1936 г. сделало научную квалификацию директоров обязательной и явилось дополнительным стимулом.

Вывод тот, что полагаться на чьи-либо, хотя бы и академика, *воспоминания*, причем в чьем-то *воспроизведении* – не стоит! Тем более, когда речь идет о *реальном* человеке. Каждый волен по-своему оценивать его характер и заслуги, но только не должен врать.

Что до «не ученый» – это факт, «разоблачать» который – все равно что тыкать пальцем в небо. До 23 июля 1936 г. такое положение для ректора втуза было, увы, официально установленной нормой (см. об этом следующую рубрику). То есть научных работ Цибарт не имел, что и указывал во всех анкетах. Правда, сочетание научной работы и администрирования – само по себе проблема, но это далеко от нашей темы.

Однако инженером, все-таки, он был.

В середине 5-го курса студент Цибарт добровольно отправляется на линию фронта (что весьма поощрялось, в частности, тогдашним директором МВТУ Гриневецким), работает инженером по постройке армейских бань, прачечных и проч. в «местечке Синявка» в 22-м строительном отряде Земгора; с мая 1916 г. – Цибарт в Минске, инженер-конструктор в отделе санитарной техники Земсоюза (сведения из анкет).

Во время Февральской революции возвращается в Москву и продолжает учебу в МВТУ; кстати, в этот период запечатлен на коллективной фотографии на парадной лестнице электротехнического института – «В.И. Гриневецкий с Правлением студенческого кружка теплотехников (1916 или 1917 г.)» (фото и подпись из доклада директора музея МГТУ Г.А. Базанчук к 150-летию Гриневецкого. – Крайний справа на фото – студент А. Цибарт. Уточненная по биографии Цибарта дата – март–май 1917 г.).

С мая по декабрь 1917 г. А.А. продолжает прежнюю работу в Минске – инженером-конструктором в отделе санитарной техники Земсоюза.

Вступив в марте 1917 года, в Москве, в РСДРП(б), Цибарт скоро оказывается целиком в распоряжении ЦК партии, на ответственной «хозяйственной работе» в самых разных районах РСФСР/ССРБ/СССР (Гомель, Минск, Илецк, Егорьевск, Москва), и, вероятно поэтому, диплома не защищал. Выпущен с квалификацией «техник-механик» (а не «инженер-механик»).

Однако в ИТЛ в Магадане (пропуская всю его 20-летнюю «хозяйственную» деятельность, включая директорство в МММИ), с июля 1938 года до своего освобождения (или смерти) в конце 1946 года, Цибарт работал именно инженером. На всех этапах – документальные свидетельства, вплоть до «прем. вознаграждения» в 90 рублей. – Исходно его местом работы в Севвостлаге (Маглаге) был проектно-изыскательский отдел Управления горнопромышленного строительства Дальстроя, проектировавший горнорудные предприятия, энергетические базы, линии передач и др. В этом же (1938) году отдел передан в отдел кап. строительства ГУС ДС, где разрабатывал проектную документацию всего кап. стр-ва Дальстроя. В 1939 г. на базе отдела образовано управление «Колымпромпроект» ГУС ДС, в 1940 г. реорганизованное в «Колым-проект». 3 сентября 1941 года распоряжением № 410 заместителем нач. Гл. упр. стр-ва Дальнего Севера (ГУС ДС) НКВД СССР С.Е. Егорова Цибарт, в числе 11 инженеров-заключенных, переводится из «Колымпроекта» в Центральную научно-исследовательскую лабораторию (ЦНИЛ) ГУС ДС: «организовать из существующего конструкторского бюро **группу конструкторов, способных разрабатывать новейшие конструкции приискового и обогатительного оборудования и решать актуальные проблемы, вытекающие из добычи малого и большого металла**» (выделение наше. – А.А.), «указанную группу влить в систему ЦНИЛ» (ГАМО ф. Р-23, оп. 1, д. 1077, лл. 25-27). С 1 марта 1943 г. инженер з/к Цибарт – в той же должности и в том же КБ, но уже не в составе ЦНИЛ, а в ведении центр. аппарата Дальстроя (см. многие материалы, выявленные по нашему обращению сотрудниками Гос. архива Магаданской области, на сайте alkruglov.narod.ru).

Это – серьезно. Держать «зэка» на должности инженера, если бы он таковым по существу не являлся, в ИТЛ наверняка бы не стали.

Специальность А.А. Цибарта во время работы в Дальстрое, указываемая в документах – инженер-теплотехник (А.А. пишет также и «инженер-механик»), «на исследовательской и расчетной работе по теплотехнике, холодильному делу и вечной мерзлоте». «Работаю главным образом по теоретическим и расчетным вопросам. Даю техническую экспертизу по разным вопросам, консультации другим инженерам и проч.» «Работаю по специальности инженером и на мое счастье также по научно исследовательской работе.» «По роду службы приходится много читать, хотя выбор книг здесь очень ограничен.» «Доволен своей судьбой, так как после возвращения к вам начну жизнь имея в руках опять специальность» (цитаты из писем к старшей дочери Эльфриде, есть на сайте alkruglov.narod.ru).

Между прочим, «начальство относится ко мне хорошо, все время я двухсотник» (т.е. выполняет двойной и уже «стахановский» план)...

«Случайный человек», ухода которого «не заметили»

«... До постановления правительства об организации учебно-методических советов [? – УМС в МММИ существовал с самого начала его существования; вероятно имеется в виду совет МММИ] связи с профессурой у Цибарта было мало. Случайный человек на поприще ректора. Благоговел перед своим куратором – начальником главного управления учебных заведений Наркомтяжпрома Петровским. Большой портрет Петровского висел у него в кабинете. А.А. Цибарт был репрессирован в 1938 году [14 декабря 1937 г.], его ухода не заметили.»

Ну что же? – Малая «связь с профессурой» ректора была predetermined ситуацией – ректоры вузов и в т.ч. МВТУ/МММИ с нач. 1920-х гг. не избирались их учеными (последним избранным директором МВТУ был профессор-химик В.А. Ушков, в семье которого студент Цибарт в свое время был детским репетитором), а назначались ВКП(б) преимущественно из числа «крупных хозяйственников-коммунистов», без учета даже достаточности профессионального образования этих «хозяйственников». При этом лучшие ученые вузов, так называемые «старые профессора» – то есть все те преподаватели в профессорском звании (которое с 1918 и по 1934 г. попросту назначалось администрацией), кто даже только начинал свою профессиональную деятельность до 1917 года – попадали для партии и комсомола в почти официальный разряд «реакционная профессура», «чуждая нам профессура», каковую партии лишь в силу необходимости приходится, не ослабляя «большевистской бдительности», «привлекать к работе». Понятно, что всякий тогдашний ректор заведомо был для «профессуры», и это еще в самом лучшем варианте, «случайный человек»...

А между тем, высшей заслугой ректора (по крайней мере до благотворной реформы 19 сентября 1932 г.) были даже не административные успехи, а скорее его желание и умение *сохранить* эту «реакционную профессуру» с ее ценностями в вузе – на общем фоне и особенно, для МММИ, фоне «дела Промпартии» с профессорами ИМТУ/МВТУ И.А. Калининским, Н.Ф. Чарновским, молодым профессором МММИ Л.К. Рамзиным в качестве главных обвиняемых. Заслуги МММИ при Цибарте в этой поистине священной миссии были признаны в т.ч. автором реформы Кржижановским.

Так (см. Юбилейный сборник «100 лет МММИ им. Баумана», 1933. Академик Г.М. Кржижановский. К столетнему юбилею МММИ – быв. МВТУ): «Ряд основных статей из настоящего сборника показывает, как нелегок был путь за действительную пролетаризацию нашей высшей технической школы. Наши зарубежные клеветники не перестают изошряться в усилиях, чтобы доказать, как на путях этой борьбы мы растеряли все старые ценности высшей технической школы и не приобрели никаких новых. Цифры и факты настоящего сборника опровергают эту гнусную ложь. Мы даем здесь целый ряд ценнейших биографических справок, характеризующих нынешнее мощное профессорское ядро работников МММИ, надежно гарантирующее предельную [так] высокую квалификацию наших красных инженеров в решающей и труднейшей области – машиностроении. ...»

Ну и, чтобы не быть голословным в отношении обычного профессионального уровня расставленных партией директоров вузов того времени – свидетельство из самого надежного в данном случае, т.е. советского и современного событиям источника. К концу 1933-го года Главное управление учебных заведений НКТП СССР приводит следующие подсчеты (журнал ГУУЗ НКТП «За промышленные кадры» 1933 № 11, помощник нач. ГУУЗ Г.П. Беляков): «Среди 118 директоров вузов мы имеем около 70% товарищей, вошедших в партию до 1921 г. [т.е. беспартийных не было вовсе]. Около 50% директоров являются кадровыми рабочими. Однако не так спокойно обстоит дело, когда мы пересматриваем общую и специальную подготовку их. Работников, имеющих специальное высшее образование (притом не всегда совпадающее со специальностью данного учебного заведения), мы имеем всего лишь 67 чел.; значительная часть высшего образования не имеет вообще». И в 1934-м году (ЗПК 1934, № 2): «Среди директоров наших вузов 96,4% членов партии, в том числе 70% вступивших в партию

до 1921 г. / Специальное образование имеют 62% директоров, 20% директоров не имеют высшего образования вообще». Как видим, случай Цибарта – далеко не худший.

Задержимся еще на словах «условного Николаева» об УМСах: «... До постановления правительства об организации учебно-методических советов связи с профессурой у Цибарта было мало». –

Как уже сказано, УМСы в МММИ и его отделениях существовали с самого начала, с 1931-го года точно: «...Опыт учебной работы текущего учебного года показывает необходимость углубления самостоятельности отделений [Ленинградского машиностроительного] Института, как учебно-производственных единиц. Это углубление предполагается осуществить с одной стороны при помощи перевода их на хозрасчет, ... с другой же, путем создания при отделениях Советов отделений по образцу уже введенных в Московском Механико-Машиностроительном Институте им. Н.Э. Баумана. ... В состав совета входят представители: преподавательского состава, аспирантуры, партийных и профессиональных студенческих организаций, базовых заводов Отделения. ... Председателем Совета является заведующий Отделением» (Тезисы доклада нач. учебной части проф. Н.В. Красноперова на учебно-производственной конференции Ленинградского Машиностроительного Института 27-28 мая 1931 г.); «УМС'ом Ин-та [МММИ] подготовлены к печати и, в течение октября м-ца будут через ГНТИ изданы материалы по унификации обозначений и специальный сборник по "Марксистской истории техники"» (Ударник, 10 октября 1931 г.); «Проф. Шелест, заведующий специальностью т. Хахарев и аспирант т. Ребеке считают, что учебный план, предложенный УМС [МММИ] по специальным техническим дисциплинам, не выдерживает критики и должен быть увеличен еще минимум на 600 час.!» (Техника, 3 июля 1932 г.), и т.д.

Какую роль играл Цибарт в УМСе института и его отделений, нам неизвестно – в доступных архивах протоколов заседаний УМСа нет, может они и не стенографировались. Но вряд ли он там был ни при чем.

Вероятно, «условный Николаев» имел в виду создание Совета КрМММИ 19 марта 1934 г.

Действительно, наличие ученых советов в вузах, более чем естественное, прямо предполагалось постановлением СНК СССР от 13 января 1934 года «Об ученых степенях и званиях»: присуждение степеней могло происходить в т.ч. «по инициативе советов высших учебных заведений». Между тем, сей «реакционный» орган к тому времени не существовал.

Первым на открывающем заседании в актовом зале МММИ выступает член Совета КрМММИ, нач. ГУУЗ НКТП Д.А. Петровский. Примечательно, что создание совета встретило сопротивление в партийной среде, и это будет лишь совещательный орган: «...Совет встречает довольно много возражений со стороны весьма активных товарищей. Они опасаются, что организация совета представляет попытку возродить коллегиальность [вместо требуемого единоначалия директора вуза], восстановить правление [существовавшее еще при директоре МВТУ Н.П. Горбунове] и т.д. Я думаю, что эти товарищи не поняли роли совета. Речь идет не о новой коллегии, не о старом правлении, а о создании совещательного органа, который мог бы весь колоссальнейший опыт, который накапливается в работе каждого втуза и особенно такого втуза, каким является КрМММИ, коллективным путем проработать для поднятия учебы на более высокий уровень...». Соответственно новой партийной установке, председатель совета – директор вуза. Во многих вопросах Цибарт фактически уступает эту роль профессору Куколевскому – см. подробнее в этих заметках.

Тут легко поверить «условному Николаеву» – связи директора с профессорами не могли не увеличиться.

Правда, всегда ли сами профессора были довольны своей возросшей ролью в хозяйственно-административных делах? Говорит проф. Куколевский: «... Обычно нам предлагали для обсуждения на заседаниях совета стратегический из хозяйственных вопросов, а потом удивлялись, почему члены совета плохо посещают заседания» (За промышленные кадры, 1937 № 7-8)...

Что до портрета Д.А. Петровского, перед которым Цибарт якобы «благоговел». –

Портрет крупного парт. деятеля, знавшего Ленина, члена президиума ВСНХ и т.д. и т.п., тем более в кабинете подчиненного ему ректора, среди портретов прочих советских «вождей» (титлом «вождя», кроме Ленина и Сталина, пользовался в массах до марта 1937 года «едва ли не каждый ответственный партработник», см. Известия от 7 ноября 1937 г., А.Д. Сперанский, «Наш Сталин») – дело не столь одиозное в то время. Случай Цибарта с Петровским не единичен. А абсолютное, сакральное подчинение вышестоящим инстанциям – непреложная установка тогдашнего метода руководства: это было подчинение, по сути, самой ВКП(б). Вменить это подчинение кому-либо в вину можно (но и должно) было лишь после того, как вышестоящий оказывался «врагом народа». Что, собственно, и было сделано в отношении Цибарта после ареста Петровского 11 марта 1937 г.: «подхалимство» перед Петровским (приносившее, как вскользь напоминал Цибарт, известную пользу МММИ), тут же стало первым и громким, растражированным в ведомственных журналах, пунктом его обвинения.

Вот так каялся Цибарт:

«Тов. ЦИБАРТ. / ... Одна ошибка политического характера, которую я себе не могу простить – это портрет Петровского. Желание привлечь внимание Петровского и подчеркнуть наше к нему уважение с целью получения денег [для МММИ], привело меня к этой ошибке. Я знал, что Петровский [был] бундовец. Я не должен был этого делать исходя из соображений деликатности. Чувствуя гнет Петровского, чувствовал, что творится что-то неладное, я даже не ходил в ГУУЗ, но что это неладное я узнать не мог. Чувствуя все это нужно было написать письмо Наркому, чего я не сделал, это я проглядел. ... Случай с портретом я расцениваю как узкое деликатство перешедшее в

подхалимство. / ... / Я жаловаться на Петровского не хотел, т.к. портить с ним отношения не было в интересах моих как директора. ...» (собрание партактива МММИ 22 марта 1937 г. – ЦГАМ ОХДОПИМ ф. П-158, оп. 1а, д. 44, лл. 33–38).

Также на общем партсобрании МММИ 4 декабря 1937 г., подтвердившем исключение парткомом 17 октября 1937 г. Цибарта из ВКП(б) «за потерю партийной бдительности к врагу народа Петровскому»:

ЦИБАРТ: «Товарищи, я на активе и сейчас говорил, в чем я действительно виноват. Я виноват в том, что я, старый член партии, настолько потерял партийную бдительность, что стал подхалимом по отношению к Петровскому. Повесил его портрет. Из-за этого я не сумел в достаточной степени остро, резко ставить вопросы, замечать недостатки в работе ГУУЗ'а, которые были. В этом моя вина – за это меня секите. ...» – С. Шевяков: «Я не представляю себе, чтобы так легко можно было бы повесить портрет у себя в кабинете начальника главка. Это могло сделать очень ограниченное число людей, директоров ВТУЗ"ов, чтобы повесить портрет <начальника> главка у себя в кабинете. Пожалуй таких и не найти. – Цибарт: были еще. – Если и были такие чудачки, как ты, то это конечно плохо.» – «Цибарт: Я в этой общей атмосфере, которая существовала в системе высших учебных заведений, я не сумел найти достаточно мужества для того, чтобы бороться с Петровским, для того чтобы ставить вопрос о Петровском. Больше того, я пошел на подхалимство, повесив его портрет из-за каких-нибудь нескольких десятков тысяч рублей, которые ВУЗ получил. Тут тоже путают это дело, оспаривают, но это никак не оспоришь.» (2-й день партсобрания, 4 декабря 1937 г. ЦГАМ ОХДОПИМ ф. П-158, оп. 1а, д. 43, лл. 137–238; ЦА ФСБ РФ, АУД № Р-24817, т. 2, лл. 13–172; полный текст протокола заседания см. на сайте alkruglov.narod.ru)

Короче говоря, обычное тогда «подхалимство» директора (со злополучным портретом), приносившее «какие-то десятки тысяч рублей» втузу – это, как говорится, «жизнь»...

«Его ухода не заметили»: странно, как можно было не заметить хотя бы того триумфального признания со стороны власти, столь важного для развития МММИ, статуса и возможностей для работы самих его профессоров, которое получил МММИ им. Баумана именно в эпоху его первого ректора (директора) Цибарта: первый орден, дважды «лучший втуз Советского союза»... Не говоря уж о «пионерском», как констатировали и ГУУЗ НКТП и ВКВТО, учреждении в МММИ общетехнического факультета; ученого совета МММИ; начале издания трудов МММИ и многом другом...

А это уже сплетни. Не стоило до них опускаться

«Могу привести один пример его действий. Вывешивается объявление: "При условии внесения 6000 рублей в течение 2-3 суток преподавателям будет куплен в деревне, смонтирован и перевезен дачный дом, где-то на участке по казанской ж.д." 7 или 8 наивных преподавателей внесли деньги. Через год действительно появились дачи у Цибарта, его зама и некоторых других сотрудников. Профессорам рекомендовалось подождать, а через 2,5 года им были возвращены внесенные деньги.»

Разыскать в архивах прямое опровержение этого «примера его действий» (обвиняемым прямо назван Цибарт!) нам слишком трудно – хотя в исследованных архивах парткома и администрации МММИ в ЦГАМ нет и намёка на что-либо подобное. Но все-таки «бремя доказательств лежит на обвинителе» – такое старинное правило явно не для «условного Николаева». Увы, он опускается до сплетен.

Дачный поселок МММИ в Ильинском действительно существовал, и в нем, со времени не позже 1935 года, находилась дача Цибарта (кому принадлежали остальные дачи – мы не знаем, известно только, что там жил и будущий его «травитель», молодой тогда партиец и аспирант П.М. Зернов). Хотя существование дачного поселка у МММИ и дача его директора в нем вполне естественны, некая пища для фантазий «разоблачителей» Цибарта имеется.

Но есть один документ в открытом источнике (в печати) – речь в нем идет о почти готовых *дачах для 7 профессоров МММИ по Казанской жел. дороге* – заставляющий в этих подозрениях весьма и весьма усомниться.

Вот этот источник. В газете наркомпросов Союза ССР «За коммунистическое просвещение» (будущая Учительская газета) от 4 июля 1933 года – обширное обращение МММИ им. Баумана:

«ПОДГОТОВКЕ УЧЕБНОГО ГОДА – УДАРНЫЕ ТЕМПЫ» / «ОТВЕЧАЕМ НА ВЫЗОВ УРАЛМАШСТРОЯ / (Обращение Московского механико-машиностроительного института им. Баумана)».

В числе многих обязательств МММИ, принятых им на себя, есть и такое (выделение наше):

«Заместитель директора по административно-хозяйственному управлению тов. Яковлев обязуется: / ... 2. Добиться закрепления проверенного, ценного профессорско-преподавательского состава, создав им соответствующие материальные и жилищные условия (закончить к 15 июля постройку 7 дач на станции Ильинское по Каз. жел. дор.) ...»

Подписи под этими обязательствами поставили (приводим полностью): «Треугольник института: / Директор – ЦИБАРТ А.А. / Зам. секретаря парткома – ФОМИНЫХ А.С. / Секретарь ВЛКСМ – Бирюков А. / Председатель профкома – ШЕВЦОВ В.Д. // Председатель СНР – ВОРОБЬЕВ М.И. // Учебная часть: / Зам. директора по учебной части – БАЛАБИН В.В. / Зам. зав. учебной частью – СКОРИКОВ К.В. / УМС – СОЛОНУЦ Б.М. // Зам. директора по адм. хоз. управлению – ЯКОВЛЕВ Ф.А. // Руководство кафедр и факультетов: / Декан факультета и руководитель кафедры технологии металлов – профессор ОСЕЦИМСКИЙ Г.А. / Руководитель кафедры общей гидравлики – профессор ОТТ А.А. / Зав. кафедрой резания – профессор БЕСПРОЗВАННЫЙ И.М. / Зав. кафедрой химии – профессор ГЕРКЕ. / Пом. директора по военному обучению и зав. кафедрой военного дела – ШИШКОВСКИЙ Е.Е. / Декан факультета ОМ – СОКОЛОВ. / Зам. декана факультета ОМ – НЕСТЕРОВ. / Зам. декана факультета ТГМ – ХАХАРЕВ М.И. / Зам. декана факультета ХО – ГИРШКОВИЧ Е. / Зам. декана факультета ТПС – ПЕТУХОВ И.К. // Аспиранты: ЛАРИН М., ГРАНОВСКИЙ М.Г., ЕНЕНКО И.И. // Общественность: / Член бюро парткома, секретарь ячейки аспирантов – ДУБАСОВ. / Студком вечерников – ХЕЙНМАН. / Член президиума профкома – КУПЕРМАН, секретарь ячейки ТГМ, член бюро парткома – ЮДИН, секретарь ячейки факультета ГО, член бюро парткома – НАУГОЛЬНИКОВ [НАУГОЛЬНОВ], председатель профбюро факультета ХО – БАБЧИНИЦЕР, пред. профбюро факультета ТГМ – ПАНКРАТОВ.»

Это – не какое-то «вывешенное объявление» на стенке в коридоре, а торжественное обязательство МММИ, оглашенное в центральной печати на весь Союз. Под ним стоят подписи не только «обвиняемого» Цибарта и его заместителя по АХЧ, но и, в т.ч., маститых «старых профессоров» Осецимского, Беспрозванного, Отта, Герке. Уж они-то не стали бы участвовать в какой-то афере с дачами своих коллег! Причем это обязательство оглашено всего за десять дней до полной готовности профессорских дач!

Вывод из этого тот, что, если эти дачи действительно в результате не достались профессорам (что не факт, если иметь в виду небрежность «условного Николаева»), то, во всяком случае, вины самой администрации в этом не могло быть никакой. Что было на самом деле – не будем гадать. Повторим лишь, что ни в протоколах заседаний парткома МММИ, ни в архиве его администрации (ЦГАМ), ни в институтском «Ударнике», органе в т.ч. профкома МММИ, ни в журнале ГУУЗ НКТП «За промышленные кадры», всегда тщательно следящем за МММИ – нет никаких свидетельств, ни прямых ни косвенных, об обидах или претензиях профессоров.

Кстати. В архиве парткома МММИ и весьма подробно в институтском «Ударнике» освещается история с Цибартом и его помощниками, по ошибке, «при мобилизации внутренних ресурсов [так]» нарушившими «5-е условие товарища Сталина» о необходимости чуткости по отношению к «старым», т.е. еще дореволюционным, специалистам: «из склада лаборатории "Прикладной механики" были, наряду со старым оборудованием, отобраны личные вещи проф. [Л.П.] Смирнова, которые, по его заявлению, возвращены через Наркомтяжпром» (ЦГАМ ф. П-158, оп. 1а, д. 11, л. 136; 21 июня 1932 г.). Партком МММИ подает жалобу на Цибарта с просьбой «привлечения к партответственности» его, а также других причастных, в райком. Цибарт чуть не лишается должности, хотя пострадавший еще до вмешательства парткома восстановил справедливость сам. Таким образом, «большевистская бдительность» проявляется

парктомом, которому Цибарт не по нутру (см. в этих заметках), поистине исключительная. При этом такого вопиющего случая, как предполагаемый «условным Николаевым» обман профессоров с дачами, тот же партком даже не замечает! – Возможно ли это?

Каким вообще было положение с дачами для профессоров МММИ в 1933-м году? (Мы не знаем, в какой связи находились злополучные 7 дач с теми, о которых пойдет речь ниже, но общая картина показательна). –

14 февраля 1933 г. – приказ наркома тяжелой промышленности Орджоникидзе № 144 «О мерах дальнейшего развития и укрепления Московского механико-машиностроительного института им. Баумана в связи с его столетним юбилеем». Пункт 9 приказа – «Центральному сектору труда НКТП: / ... / г) Обеспечить постройку в течение 1933 г. для профессорского и преподавательского состава МММИ 10 стандартных дач под Москвой, ассигновав на это строительство 50 000 руб. (пятьдесят тысяч рублей)».

И затем (документ, появившийся до 7 ноября 1933 г.): «Протокол совещания в МММИ по проверке выполнения приказа наркома от 14 февраля 1933 г. / Присутствовали: нач. ГУУЗа т. Петровский, тт. Цибарт, Зайцев, Шевцов, Цыганков, Степанов, Кулаков, Деев, Рузин»: «... г) о постройке 10 стандартных дач под Москвой для профессуры – выполнено».

Итак – 10 бесплатных дач для профессоров в 1933-м году построены.

Может быть, провальную историю с 7 оплаченными дачами для профессоров в МММИ вспоминали когда-нибудь впоследствии? А ведь обсуждался в т.ч. и «дачный» вопрос. – Ничего подобного.

В «Акте документальной ревизии финансово-хозяйственной деятельности института за 1935–1936 годы от 22 октября – 28 ноября 1936 г.» (ЦГАМ ф. Р-1992, оп. 4, д. 14) о какой-либо истории с профессорскими деньгами, которые бы незаконно использовались и были возвращены профессорам, согласно «условному Николаеву», в 1935 или 1936-м году, ничего нет. Замечены лишь небольшие нарушения в этой деятельности во втузе, от «выбытие учащихся отмечается простым вычеркиванием из списка» до «в институте значительное число не утвержденных профессоров и доцентов получающих по ставкам не соответствующим присвоенному кому званию», «передвижение кредитов внутри статьи сметы» на приобретение оборудования, перерасход по статье соц. бытовое обслуживание студентов, «очевидная бесхозяйственность командировок тт. Зайцева и Котляра по сдаче дома отдыха ГУУЗа» и др. Директор института в Акте ревизии не упоминается.

В 1937 году прошла новая «ревизия финансовой деятельности МММИ» за период с октября 1936 по 1 июля 1937 года, проведенная комиссией ГУУЗ НКТП (ЦГАМ ф. 1992, оп. 4, д. 15). Комиссия была инициирована пришедшим на место арестованного Петровского и. о. нач. ГУУЗ М. Каплуном, бывшим студентом-парттысячником МММИ и идейным противником Цибарта (в вопросе нелепого сокращения и без того сокращенных сроков обучения и пр.). Результаты ее деятельности «дорабатывались» вплоть до 16 декабря (14-го Цибарт был уже два дня как арестован), и она имела прямой задачей «вскрыть» какие-либо нарушения в хозяйственной деятельности МММИ и лично Цибарта. Таковые на этот раз, разумеется, нашлись. «Произвести начет нижеследующим лицам, за незаконно полученные суммы: / а) директору института Цибарт / за недодачу пед. часов – р. 1.376 / за участие в приемно-испыт. комиссии 1.501 / пособие из фонда директора 2.070 (кроме дебиторской задолженности 991 р. ...) – «Недодача часов» была оправдана и особой проблемы их «додача» не составляла, а участие директоров в приемных комиссиях предписано партией. «Подозрительным» для нас можно считать, наверное, «пособие из фонда директора», но если бы этот фонд комплектовался из денег профессоров, то это обязательно было бы упомянуто.

13 декабря 1937 г., т.е. еще за день до ареста Цибарта, новый нач. ГУУЗ И. Федоров реагирует на заключение комиссии – распоряжение ГУУЗ НКТП № 26/738. «Фонд директора» и «недодача часов» упоминаются: «... б) незаконное расходование средств из фонда директора на премирование, питание и пособия руководящему и административно-хозяйственному

персоналу – 33,5 тыс. руб.; / в) оплата руководящему составу института за педагогические часы без фактической нагрузки; / г) переплата преподавателям-персональщикам вследствие недодачи ими часов в первом полугодии с.г. 45,3 тыс. руб. ...». В результате объявлен «выговор с предупреждением» начальнику уч. части МММИ, выговор зам. директора МММИ по АХЧ, «поставить на вид» гл. бухгалтеру МММИ. (В кн.: И.Л. Волчкевич, Сословие вольных людей, 2009.) Но никаких взысканий опальному, но еще действующему директору Цибарту!

Что говорит сам Цибарт по поводу этого дела?

Вот его пояснения партийцам МММИ:

«Если вы честные люди, вы должны сказать, что первое ваше решение было не об исключении [меня] из партии... А хотите знать, что послужило причиной для другого решения. Меня вызывают в партийный комитет.

"Тов. Цибарт, завтра стоит твой доклад об аспирантуре."

Я готовлю материал, иду на доклад. А [секр. парткома МММИ] [А.Ф.] Наугольнова нет. Он побегал в ГУУЗ собирать материал, потому, что слышал, что назначена ревизия. А ревизию назначил [и.о. нач. ГУУЗ] [М.М.] Каплун – друг [бывшего парторга МММИ и давнего оппонента Цибарта, к наст. моменту арестованного] [М.Г.] Кривина. И несмотря на то, что только бухгалтер составил выводы – идут в бухгалтерию к бухгалтеру, посмотреть.

"Цибарт получил незаконно деньги". За что. Я скажу. Летом я экзаменовал вновь поступающих студентов. Приезжал сюда [предс. ВКВШ] [И.И.] Межлаук. В ЦК мне объявили выговор за то, что я экзаменовал студентов, а не участвовал в приеме студентов. Я в ГУУЗ представил весь материал с ведомостями, с расписками – за что я получал эти деньги: экзаменовал, задания составлял и устные и письменные. Я и в прошлом году это делал. Есть постановление партии участвовать в этой работе.

Дальше то, что я, будучи преподавателем, был зачислен в штат, получал 200 руб. в месяц как человек ведущий группу и не додал часы: вместо 280 час. дал 80 часов. Я даю объяснение партийному комитету. Верно, я вел группу. Из-за перегруженности я не мог добавить часы, но я занимался, на занятия ходил. И не только я один – целый ряд преподавателей находится в таком же положении. Ревизору же надо вытащить только меня. Да, товарищи, это неправильно, хотя я и обязался добавить эти часы. Если я их не додал в прошлом году, я обязан их добавить в этом году.

Это "использование" моего служебного положения. И после этого меня просят выйти с заседания парткома, остаются одни и решают вопрос в мое отсутствие. Звоню, звоню – как дело кончилось. Прихожу в партийный комитет: "ну, Саша [Наугольнов], как вы решили".

Покраснел Саша – видно ему неудобно. Наконец говорит: "мы решили тебя исключить".

– За что вы меня исключаете. Пойди, проверь в бухгалтерию. Верно – исключайте, неверно – зачем исключаете.

– Знаешь, так нужно. Если не подтвердится [негласное указание "сверху"?], мы тебя восстановим.

/В зале смех/.

Я говорю: так не делается. Не надо подбирать специально материал. ...»

(Протокол заседания парткома 17 октября 1937 г.)

«Затем идет целая серия вопросов, имеющих цель меня просто опорочить и скомпрометировать, как это было на прошлом собрании. / ...

На какие средства построена моя дача?

Я дачу строил не на территории института, а получил от Моссовета совершенно другой участок в совсем другом месте [пос. Малаховка]. Был закуплен в районах затопления сруб, я нанял рабочих и поставил этот сруб. Таким образом я выстроил себе дачу, и в этом ничего предосудительного я не вижу.

Меня спрашивают: откуда вы взяли денег на дачу.

Пожалуйста. Я не всегда был такой подлец, каким меня хотят разрисовать некоторые товарищи. Я получил в 33 году премию от т. Серго – 2 тыс. рублей [в связи с юбилеем МММИ]. В результате первого тура [Всесоюзного соц. соревнования учебных заведений] я получил тысячу рублей, в результате второго тура – тысячу рублей, в результате третьего тура я был премирован пианино. Если вы подсчитаете деньги, которые я получил за подъем работы в институте, это составит солидную сумму. Да еще кое-какие вещи, которые мне пришлось продать. И затем я одолжил у людей деньги для того, чтобы закончить дачу. А сейчас я должен рассчитываться.

Как вы использовали дачу, кому вы сдали ее в аренду?

Для того, чтобы расплатиться с долгами – а всего их у меня 5 тыс., которые я одолжил на достройку дачи – я должен был и должен буду стремиться к тому чтобы вернуть эти деньги тем товарищам, которые мне их одолжили. Одной организации я сдал свою дачу на зиму под лыжную станцию. Я не вижу ничего скверного в этом. Что хотел сказать этим т. [А.Г.] Головинцев? Это разрешается и нашей Конституцией.

Задают вопрос о каком-то посреднике, и из каких средств я заплатил дипломнику Гжебину [Гржебину]?

Это надо спросить тех, кто писал эту записку, кто хочет навести тень на ясный день. Гжебин у нас был физкультурным работником, т. Головинцев его исключил – я не знал этого. Гжебин хотел снова поступить тренером к нам. Я спросил у Золотаревой о нем. Она сказала, что он исключен, и я отказал ему.»

(Протокол общего партсобрания МММИ 4 декабря 1937 г.)

Никаких упоминаний об обиженных когда-либо Цибартом профессорах нигде нет.

Однако – тут вспоминается старинный афоризм – «Клеветайте, клеветайте, что-нибудь да пристанет»...

Еще об авторитете, а также о «внешних признаках»

По-своему объяснима и такая весьма неприятная личная характеристика директора из этого отзыва – *«напыщенный, пытающийся внушить уважение внешними признаками, и прежде всего малой доступностью»*, и далее через запятую: *«он никаким авторитетом не пользовался»*. –

Сначала о «внешних признаках». – Думается, что неизбежное, пусть и скрываемое, предубеждение «профессуры» по отношению к очередному партийному назначенцу – тем паче после расчленения МВТУ – было для всякого такового ожидаемым и могло вызывать в нем и настороженность, и какую-то превентивную поведенческую реакцию вроде «малой доступности» и пр. Пусть и непохоже на человека, игравшего, по воспоминаниям семьи, с детьми и их школьными друзьями в «кучу-малу», но, в принципе, возможно.

Однако есть и несхожие в этом плане упоминания о контактах ученых с Цибартом в это время – напр. от «старого» профессора МММИ А.Н. Шелеста (П. Шелест. О моем отце Алексее Шелесте. У истоков отечественного тепловозостроения. 2003). «Показания» Шелеста, надо сказать, возникли примерно так же, как и «показания» Николаева, но, все-таки, слишком несхожи – никакого пренебрежения или антипатии к Цибарту у А.Н. Шелеста точно не было.

(Кстати. Деление на «старых» и «молодых советских» профессоров довольно условно, это скорее вопрос их настоящей научной квалификации, но все же: сам Г.А. Николаев к «старым», в отличие от Шелеста, не принадлежал – он родился в 1903-м году, учился в вузе после 1917 г.)

Итак, в одном случае Цибарт, будучи членом КК (контрольной комиссии), явно способствовал защите Шелеста в РКИ (от обвинения в попытке «ревизовать решение партии» об электрификации транспорта); дело кончилось так: «В сентябре [1932 г.] директор МММИ им. Н.Э. Баумана вызвал Алексея Несторовича и сообщил, что из Рабоче-крестьянской инспекции пришло письмо, в котором выражается благодарность товарищу Шелесту за правильную ориентацию в вопросах железнодорожного транспорта. Было отмечено, что он оказал большую услугу государству».

А «весной 1936 г. Алексея Несторовича [Шелеста] вызвали к директору МММИ Адольфу Августовичу Цибарту, который предложил ему стать деканом факультета тепловых и гидравлических машин. ... "Я так и думал, что вы будете возражать [говорит Цибарт в ответ на сомнения перегруженного работой профессора]. Но у нас нет выхода. Кафедры этого факультета возглавляют маститые ученые, и назначить сюда деканом надо человека, пользующегося авторитетом, за которым бы пошли все остальные. Факультет имеет большие возможности стать одним из лучших". Шелест вынужден был согласиться, но ... попросил назначить ему хорошего заместителя, который бы вел всю текущую работу по деканату. Профессор тепло попрощался с директором, не подозревая о том, что тот вскоре будет арестован»... Отношения были, по меньшей мере, взаимно уважительные и даже теплые.

Вот другой пример: на упоминавшемся уже последнем для Цибарта партсобрании 4 декабря 1937 г. партиец, бывший красный партизан, доцент и зав. аспирантурой Омар Чутуев (представленный «условным Николаевым» как приспешник Цибарта), гневно и язвительно заявляет: «Есть еще одно ученое учреждение – называется ученый совет. Председатель ученого совета – Цибарт? Ничего подобного. Председатель ученого совета Куколевский. Этот совет – это говорильня...». С презрительным определением «говорильня» соглашается на том собрании и другой преподаватель и партийный активист, один из главных противников Цибарта – заметный в истории МГТУ М.С. Ховах. Итак, ученый совет втуза (первое заседание которого открывал Петровский 19 марта 1934 г., а до того ученые советы в вузах были запрещены) – совет, на котором впервые участие в управлении втузом приняли «старые профессора»! – это пустая «говорильня», а «вина» Цибарта в том, что он, будучи (согласно спущенному сверху уставу) его председателем, фактически уступает эту роль авторитетнейшему профессору МММИ И.И. Куколевскому!..

Никак не зазнайство – скорее понимание дела, верные приоритеты и деликатность.

Теперь о «никаком авторитете». –

Каком именно авторитете? У кого именно?

– **Ученом авторитете**, среди профессоров МММИ? – Цибарт, как и ректоры других втузов в то время, не мог на него претендовать и не претендовал (см. об этом выше).

– **Об авторитете среди партийцев** – этой реальной властью в вузах? В любом случае это не то, о чем могли бы мечтать «старые профессора»! Наука в МММИ от этого точно не выиграла бы, и им самим бы порой не поздоровилось. (Доверием ВКП(б) «старые профессора» не пользовались, даже самые лояльные и признанные. Лишь один из них, впоследствии лауреат Сталинской премии проф. И.М. Беспрозванный, пытался в 1932-м году вступить в ВКП(б), но успехом попытка не увенчалась.) Если бы не язвительное замечание «условного Николаева», что Цибарт *«окружил себя несколькими членами партии – Омаром Чутуевым, Арменом Суцасовым [Сукиасовым], Володей Шевцовым, которые его поддерживали»* (кто еще мог его окружать? и так ли хороши были их отношения?) – на этом можно было бы ставить точку. Но тема интересна сама по себе.

Итак. Требуемая сверху «широкая большевистская самокритика», превратившая партийные, комсомольские и профсоюзные отношения в организациях в постоянную склоку (открыть хотя бы институтский «Ударник»), несколько затуманивает картину. Нападки в т.ч. на Цибарта происходили регулярно и не были чем-то из ряда вон выходящим. «Лягнуть» директора мог, на партсобрании или в «Ударнике», и студент-коммунист или комсомолец.

Но, заметим, в *важнейших* из этих схваток все наши симпатии на стороне Цибарта.

Это борьба с ним фанатичного парторга МММИ в 1930-31 гг., бывшего зубного техника и военкома дивизии, парттысячника М.Г. Кривина из-за подозреваемого в Цибарте «правого оппортунизма как наиболее опасного уклона» – слишком мягкого отношения к профессорам, предположительно саботировавшим удушающую реформу образования 1928–1932 гг. (сокращение срока обучения, сверх-узкая специализация, половина учебного времени на работу на заводах, нелепый «лабораторно-бригадный метод» преподавания и пр.).

Это и, спустя несколько лет, парткомовские обвинения Цибарта в каком-то тайном потворстве профессорам МММИ, недостаточно активно переписывавшим учебные программы под «стахановское движение». (Для понимания ситуации: под отмену объективной науки технического нормирования в пользу произвольного завышения властью норм выработки – ибо «стахановское движение разбило вдребезги множество "технически обоснованных норм" и "предельных мощностей" во всех отраслях нашей промышленности».) Для профессоров втузов это означало несомненно тягостную для их профессиональной совести необходимость перемарывания «всех и всяких учебных положений, программ, учебников и пособий», которые они сами в свое время и составляли... – Из «Выводов комиссии, выделенной парткомом МММИ» в 1937-м году, о прояснении «связи» Цибарта с «врагом народа» Петровским, представленных 22 июля 1937 г.: «... 4/ На основе стахановского движения было предложено всем ВТУЗ"ам пересмотреть программы. Нашим институтом было представлено в ГУУЗ около 30% программ совершенно не пересмотренных, что было обнаружено в ГУУЗ"е беспартийным инженером ...» (ЦГАМ ОХДОПИМ ф. П-158, оп. 1а, д. 44, лл. 90–93).

Попытки партийцев МММИ сместить его с поста директора часто отмечает и сам Цибарт в своем дневнике. Кое-какие из этих попыток отражены и в «Ударнике», и в выступлениях Цибарта на парткоме («травля против меня идет с момента моего поступления», и т.д.).

Т.е., несмотря на высокий партийный статус Цибарта и его собственную несомненную коммунистическую идейность, полным доверием среди наиболее рьяных институтских партийцев он, «чужой среди своих», не пользовался. – Плохо это его характеризует, или, скорее, хорошо?..

– Наконец, **авторитет среди студентов**.

Юная коммунистка или комсомолка «тов. Субботовская» на том самом общем партсобрании 4 декабря 1937 года, предшествовавшем его аресту 14 декабря, заявляет: «... Я думаю, что я выражу мнение не только коммунистов, но и многих беспартийных. Я пять лет в

институте, и с тех пор, как я пришла в институт т. Цибарт никогда авторитетом среди студентов не пользовался. Это я могу заявить». – Несомненно, тов. Субботовская все-таки имела в виду специфическую группу студентов, наследников волны «пролетаризации» 1928–1932 годов («не только коммунистов, но и многих беспартийных»). О реакции других, и уже составлявших большинство, студентов на травлю Цибарта (парт- и профтысячников во втузе уже давно не было, «партийная прослойка» сократилась, *все* студенты уже, благодаря реформе Кржижановского, сдавали вступительные экзамены) – есть две интересные записи в личном дневнике Цибарта. Речь идет о времени травли Цибарта перед арестом, после решения парткома об исключении Цибарта из ВКП(б). *Цибарта любят студенты, в обвинения видимо они не верят, и даже осмеливаются выразить свое отношение к нему публично!* –

Цибарт, дневник, запись от 2 ноября 1937 г. –

«Вечером в клубе [им.] Кухмистерова был студенческий вечер. Выбирали президиум. [Парторг МММИ] Саша Наугольнов предложил Партком, Профком и Комсом. Из зала трижды кричали: "Цибарта" – он делал вид, что не слышит, но зал заставил его слышать. Вынужден был меня включить в президиум.»

Запись от 13 ноября 1937 г. –

«Хороший день. ... В 3.30 митинг [посвященный выборам в Верховный совет СССР 12 декабря, а точнее тому, что по Сталинскому избирательному округу Москвы "дал согласие баллотироваться великий Сталин"]. Выступил [будущий в скором времени парторг] Симонов. Очень сухо. Я выступил. Меня встретили студенты громом аплодисментов. Несколько раз аплодировали во время речи. Речь произнес с под'емом...»

«Напыщенности» или некомпетентности студенты преподавателю уж точно бы не простили! Так что работал над своим научным ростом Цибарт не напрасно – *был* авторитет.

О культуре и интеллигентности

И последний плевок в адрес бывшего директора: «*Вместо Цибарта*», завершает «условный Николаев» свой отзыв о нем, «*директором МВТУ был назначен В.П. Никитин. Скачок в культуре, интеллигентности, авторитете. ...*»

Что ж, неплохо, если даже публикатор, как получилось по факту, хамства и сплетен озабочен вопросом «культуры и интеллигентности». Тут следовало бы поставить вопрос вообще – насколько допустим и этичен, культурен и интеллигентен сам способ возникновения подобных мемуаров...

Но к теме. – Бывший декан ф-та сварочного производства МММИ (поставленный Цибартом – а кем же?) – действительно был «старый профессор», авторитетный специалист, и удовлетворение Г.А. Николаева понять можно.

Сложнее судить о «скачке культуры и интеллигентности».

Официальные тексты того времени, конечно, не стопроцентный показатель истинных мнений и культурного уровня их авторов, – но все-таки. – Вот как вспоминает о предыдущем директоре профессор В.П. Никитин, новый директор Краснознаменного МММИ (Высшая школа, 1938, № 6-7); «скачка» не видно:

«Вредители, которые орудовали в нашем институте, бывший директор и бывший начальник ГУУЗ, в своей вражеской работе направляли предательский удар на то, чтобы разрушить одну из старейших и крупнейших школ СССР. Они старались запутать и сорвать учебный процесс, делали поблажки отсталым элементам студенчества и вообще дезорганизовали самостоятельную работу студентов. Изданием противоречивых приказов и распоряжений, невниманием к работе студентов и преподавателей они всячески стремились разрушить учебную дисциплину.

Коллектив профессоров, преподавателей и студентов института во главе с партийной

организацией помог славной советской разведке разоблачить вредителей.

В настоящее время перед нашим институтом стоит особо ответственная задача – ликвидировать последствия вредительства»...

Кстати. – Пошло ли на пользу МММИ устранение Цибарта (как это должно было бы быть судя по отзыву о нем Николаева/Жукова?).

Вот ответ: «Назначенный в марте 1938 года директором института Василий Петрович Никитин в начале следующего года переходит на работу в Академию наук. После этого в течение почти девяти месяцев институтом фактически руководит *исполняющий обязанности заместителя директора* Сергей Сергеевич Протасов, молодой инженер выпуска 1931 года, не имеющий ученой степени. Работавшая в это время в институте комиссия по обследованию МММИ пишет письма в ГУУЗ (они сохранились в архиве), в которых говорится о совершенно ненормальном положении с руководством, в результате чего практически невозможна правильная работа администрации, и настоятельно просит дать институту директора»; «... с 1938 по 1941 год в МММИ сменилось пять директоров» (И.Л. Волчкевич, Очерки истории МВТУ, 2000). – Без комментариев.

P.S.

На собрании партактива МММИ 22 июля 1937 г. Цибарт говорит своим всегдашним оппонентам, активизировавшимся после ареста Петровского, в т.ч. следующее:

«В отношении руководства учебным процессом, получается так, что я ничего не делал. Мои заместители тоже, а ВТУЗ все время идет вверх. Числился лучшим ВТУЗ"ом, чем же это об"яснить? Неужели все идет самотеком? Это неверно».

С ним нельзя не согласиться. Успехи МММИ времени его первого директора Цибарта постоянно упоминаются в литературе, составляют его гордость. Хотя сам Цибарт остается скорее в тени (и даже, как видим, «удостаивается» клеветы) – видимо потому, что оставил институт именно своим оппонентам...

В заключение – наше объяснение успеха самого Цибарта. Это сочетание в нем двух трудносоединимых свойств: убежденного и лояльного Сталину большевика и одновременно человека, смолоду сохранившего пиетет по отношению к науке, к настоящим ученым и родному ИМТУ (см. дневники и письма Цибарта). Первое защищало его долгие восемь лет от немедленного устранения (обычный срок на таком посту редко доходил в то время до 3-х лет), второе понуждало в любых задаваемых ВКП(б) ситуациях, как мешающих нормальной работе вузов так и (во время председательства Кржижановского в ВКВТО) способствующих ей, делать для МММИ всегда *лучшее из возможного* в них.

2026
Александр Гарриевич Абелев
e-mail: a-kruglov@list.ru